

История и судьбы человеческие

Жизнь была трудная, но совесть в порядке

Годы летят незаметно. В Великую Отечественную войну из Ярыгино ушли на фронт 25 призывников. Вернулось на родину после Победы всего 17 фронтовиков. А сегодня из ветеранов войны остался в селе только Строгалин Александр Васильевич...

На счету у Александра Васильевича и его зенитной батареи — 11 сбитых фашистских самолетов. На груди 9 медалей и орден Боевой Славы. На совести — спокойно от чувства выполненного долга и честно прожитой жизни. А ведь за спиной одни лишения — босоное детство, всего три класса школьных наук; недостаток в питании и самом необходимом. Сам ветеран помнит бесконечные трудности жизни: война и голод, разруха и труд, изнуряющий труд до седьмого пота...

Иногда память перелистывает печальные страницы тех событий, которые привели к оскудению духа и нравственности в родном селе.

Рассказывает ветеран ВОВ, Строгалин Александр Васильевич: Помню, как в Васильевском на церкви купол ломали. Помню, как из часовни в Ярыгино иконы грабили. Помню многих из тех, кто потом не своей смертью умерли. Многие в Ярыгино жили небогато, но не многие совесть продавали и безбожничали...

...Помню, в 30-м году корова или лошадь стоили 25 рублей. Это были огромные деньги по тем временам. А наша семья была трудная, крестьянская, конечно, бед-

ная. Я смог окончить всего три класса школы, даже обуви у нас в семье был нехваток. Все мое детство было босоногим, по морозу без обуви много не набегает. Родители, хотя и жили очень трудно, но были людьми глубоко верующими, ходили на службы в Васильевский храм.

Помню, был тогда совсем малым мальчишкой (я ведь с 1926 года рождения) — а Ярыгино красивое и богатое село было — 109 домов. Зажиточных людей в нем жило много. Когда колхозы-то начались, богатые все свое сдавали в колхоз (у кого и силой отбирали), получали личные документы и скорей уезжали из села. Тогда село стало намного меньше. А еще больше опустело Ярыгино после войны.

В 1943-м году 18-летним парнем отправился я на фронт. По распределению попал в зенитные войска под Ленинградом. Помню, долго и тяжело мы перебирались пешком по Ладожскому озеру. Когда перебрались, сначала копали землянки, позже строили бараки. А прежде всего, с первых минут в дело — сразу устанавливали зенитные орудия, потом всего два дня на боевое обучение — и в бой уже самостоятельно. На счету нашего орудийного расчета — 11 сбитых самолетов со свастикой!!! Дорогой ценой нам досталась Победа в Великой Отечественной. Словно колой косила людей война. Немногие с фронта вернулись домой. Я, слава Богу, пришел в родное село живым и невредимым...

Родительские молитвы убергли Александра Васильевича от пули и смерти. И, безусловно, чудо Божие. Припоминает этот случай фронтовик с волнением.

...Неожиданно появился в небе фашистский истребитель. Командир в спешке пытался навести прицел на него. Александр тогда стоял на подножке снарядов. Первый выстрел, к несчастью, не попал в цель. Командир огнемета прикрикнул: «Сашка, живей, снаряд давай!» Пока тот метнулся с площадки вниз за новым снарядом, немецкий снайпер с борта самолета изрешетил Сашкиного командира. Умиравший шепнул: «Не подведи, дорогой...» Александр, вначале оглушенный случившимся, вдруг, словно озверел: «Ах, ты гад! Ну, держись!» Сейчас и не помнит он, как впервые навел прицел, как пальцы сжали гашетку... Память рисует лишь тот яркий факел, вспыхнувший над его головой, когда загорелся в небе фашист, который убил его командира...

На войне погибали многие, иногда смерти не успевали даже испугаться, хотя она стояла за спиной у каждого. Но обошла она Сашку — и это Александр Васильевич считает самым настоящим чудом Божиим, ведь не соскочи он тогда вниз с зенитной площадки, лежал бы там — рядом со своим мертвым командиром. Крещеный был Сашка, и молитвы родительские к Богу дошли: после Победы вернулся домой.

Бывает, взгрустнется Александр Васильевичу: «Воевали за Ро-

дину, верили, что спасут Россию от нехристей. На фронте, а тем более на передовой все было просто и ясно. Вот — ты, а вот — враг. «Бей врагов Отечества!» — и били, потому что этот призыв был начертан на сердце каждого воина-защитника. От фашистских захватчиков-то с Божьей помощью земля-матушку отстояли. А кто сегодняшние враги России, почему ей так тяжело живется, почему так часто всплывает вопрос: «Неужели вот за это воевали?» Нет, конечно, воевали за радость, за счастье. Только, где оно?

Увы, сегодня не только редкие ряды ветеранов Великой Отечественной войны, страшно скудеет и память человеческая. Короткая память у тех, кто не воевал. Редкие люди вспоминают о погибших военной поры, о том, какой дорогой ценой досталась эта Победа. И тем более никто не задумывается: почему же случилась эта война. Может быть, великие жертвы 1941-45 годов русский народ принес как раз за осквернение святынь и забвение веры. Сегодня, вроде и храмы открыты, и народ потихоньку возвращается к своим православным истокам. Но что-то не то с родимой землей стало, ох, не то! Как будто чудовище инородное окружило ее со всех сторон и снова давит тяжким гнетом. Эх, как же родимую сторонушку уберечь от разгула страстей и прочей нечисти!

Господи, дай ответ!

С. Дарина

Вместо портнихи — в разведчицы!

Я сама (с 1919 года рождения) родом из Богородского, что под Смоленском. Отец мой, Кондрашенков Сергей Трофимович, рано умер. Мама, Соломонида Титовна, была строгая, перед едой и после еды мы все обязательно молились. Голос на маму не смели повыситься. С пяти лет я была уже при деле — коров пасла. В школу не с сентября начинала ходить, позже, потому что мне надо было стадо пасти; и весной снова не в школу, а на пастбище бегала, — тяжело жилось нам без отца. Бывало, усну на лугу, просыпаюсь, а овец моих нет, забрались на колхозные поля. Я — в слезы, ругать ведь будут — вот и молилась, как умела. Всегда сильно мы, дети, радовались в церковные праздники, потому что нам мама или тетя то фартучек, то платище к Пасхе дарили.

Помню, как еще маленькая ходила в церковь причаститься, хотя в школе нам запрещали ходить в храм, пропустила в тот день уроки. На другой день учительница меня сильно ругала. И дружила я с Тамарой Березкиной, с батюшкиной дочкой. В школе нас, конечно, насильно заставляли вступать в комсомол, но Бога я никогда не забывала. В храм ходила, пока церковь не разрушили...

В войну я особенно чувствовала Божью помощь. Всегда молилась, куда бы меня ни забрасывала судьба, — и Божьей Матери, и святым. Когда началась война, я была молодой девочкой. Помню, мы окопы рыли на Даниловском кладбище. Потом пилили и валили деревья в лесу, прямо там и жили на лесосеке — когда немцы уже к Москве подходили. А работала я в Москве на текстильной фабрике. Вызвали нас однажды к директору. Он спрашивает: «Где ваши родные?» Я ответила: «В Смоленской области, уже оккупированной». «А вы хотите им помочь?» «Да неужели нет?!» «А мы как раз набираем девушек по запросу военкомата для работы в прачечной и в швейной мастерских...»

Мы все загорелись поработать в швейной мастерской. На второй день уже получили повестки из военкомата. В военкомате долго сидели: комиссию проходили. Многие девушки по разным причинам отправили домой. А нас повезли на фронт, он уже недалеко от Москвы был. Едем, слышим, как снаряды рвутся. На это мы не обращаем внимания, мы же едем в швейную! Привезли нас в какую-то деревню под Ржевом, поселили у хозяйки одной. Так наивно ее и спрашиваем: «А где тут у вас швейная?» Она посмотрела

на нас с удивлением: «Девочки милые, нас тут каждый день то свои освобождают, то немцы захватывают, какая уж тут швейная!»

На следующий день приходит за нами старший лейтенант и отводит в штаб, который был в соседнем доме. Там нам офицер вдруг начинает объяснять, какие различия в званиях у немцев и прочие их особенности армейские. А мы все надеемся на ошибку и спрашиваем: «А где же швейная?» ... Тут-то и выяснилось, что мы в прифронтовой зоне, что цели наши совсем не те — надо заниматься разведкой в тылу оккупантов. Дня два нас обучали всяким военным тонкостям. Потом сказали: «Ваша задача, девочки, осторожно перейти линию фронта, пройти в какую-нибудь деревню и разузнать, где расположен немецкий штаб, какое оружие у немцев, сколько примерно их там находится... Тут мы и призадумались: девочки все были молоденькие, страшно нам стало к фашистам соваться.

Но подумали и решились, наконец. В группе нас было трое. А вывел нас к переднему краю все тот же старший лейтенант. Мы идем, а снаряды вокруг нас летают и воют, где-то совсем близко взрываются. Вскоре лейтенант оставил нас. Мы, когда остались одни, посидели, поплакали и решили вернуться. Когда обратно пришли, нас не ругали, но стали опять уговаривать. Пожилой полковник с нами долго беседовал и объяснял, какая ответственная у нас задача, и как мы можем помочь Родине: «Ничего, девочки, не переживайте, раз не удалось, второй — обязательно получится!»

Мы и согласились. «Легенду» нам придумали, будто родители наши перешли на немецкую сторону, потому что у красных «плохо», а мы родных разыскиваем. Денек нас не тревожили, на второй к вечеру опять из штаба приходит: «Собирайтесь!» А в 41-м, ох, какая зима была суровая! Такие морозы страшные. Ну, мы с духом собрались, встали на лыжи, и пошли опять к линии фронта. Шли-шли, а с пригорочка-то, внизу, деревня какая-то видна.

Лыжи мы припрятали и спустились, тот же час на немецких патрулей и наткнулись, но бумажки с названиями деревень успели проглотить, как нам велели сделать при опасности. Нас схватили, повели. А мы немецкий не знали, я всего-то семь классов в деревне закончила. Там был староста русский, переводчик, он наши слова немцам

сам переводил. Мы им нашу легенду и рассказали. Немцы нас еще расспрашивали, где советские войска находятся. Мы все и передали, как нас научили в штабе перед отправкой. На ночь нас определили к одной старушке. У нее все четыре сына на фронте воевали, и во всей деревне одни старики остались. Наутро нас староста вывел из дома и велел снег расчищать, и пригрозил: «Чтоб не баловать! Если побежите, вам капут! Убегать не надо!» И целый день мы этот снег чистили, а навалило его мно-ого. Устали, едва до старушки дошли, совсем без сил. Бабушка нас накормила и все, что про немцев знала, рассказала: где их штаб, какие у них здесь орудия, а немцы как раз отступали: мы и сами видели, как машины и мотоциклы все через деревню шли и шли.

Наутро опять староста за нами пришел и повел в колхозный амбар, чтобы мы зерно в мешки засыпали и завязывали. И снова целый день работали. А вечером спрашиваем у нашей бабушки: «Как бы нам обратно, к своим уйти?» Она придумала нам пойти, будто за водой, колодец-то был на самом краю деревни. Так нам и удалось бежать, потому что снег валил сильный, на улице морозило, — немцы по домам попрятались.

Праведен Бог, и двери милосердия Своего не заключит для тех, которые стучатся в них со смирением.

Св. Иоанн Лествичник

Когда мы ведра все покидали, уже в лес забежали и на лыжи встали, тогда только услышали стрельбу, видно хватились нас.

Много было чудесных случаев Божьей помощи. Когда в копне спали, например, явно Бог отвел нас от беды, чтобы не попали в руки немцам...

...один раз нас послали человек пять. Мы зашли в одну деревню. А нам жители и говорят: «Девочки, дальше не ходите, только немецкая разведка прошла, с ними бы вам не столкнуться!» А нам нельзя не идти. Идем, — рядом с деревней большой-большой навес с сеном, решили там переночевать. Зима, холодно, а война — и задание надо выполнять. Зарылись в сено, друг к другу прижались, как-то уснули. А на рассвете слышим немецкую речь. Оказывается, немцы в том же сарае спали, только с другой стороны, навес длинный был — и нас не услышали. Немцы ушли первые. Это Бог нас уберег, что не столкнулись с ними, тогда бы беда была.

И с 42-го года по 45-й я служила уже в зенитных войсках под Москвой. А командиром нашего зенитного орудия был Валентин Петрович Кожухарь, он-то и стал после войны моим мужем. Правда, хотя и рядом воевали, познакомились мы с ним почти через два года. На войне было очень строго. Нас первый год водили в столовую и на политинформации отдельно от солдат. И это неправда все, то развратное, что сейчас в военных фильмах показывают. Не было такого на самом деле. Только в самом конце войны нам разрешили устраивать танцевальные вечера. Все всегда было очень скромно.

И вот судьба свела нас — познакомились мы с мужем в конце 44-го года. У нас пост был (землянка), где девчата дежурили — он проходил как-то мимо к орудью, заговорили раз, потом другой, потом еще как-то встретились... В семейной жизни дружно жили. Первое время после войны жили и работали в Одессе. Двух дочек воспитали. С 1961 года мы переехали в Васильевское, — муж работал управляющим совхоза в Новинках. 11 лет назад муж мой умер, а я живу сейчас в Сергиевом Посаде.

Кожухарь Анна Сергеевна, разведчица ВОВ